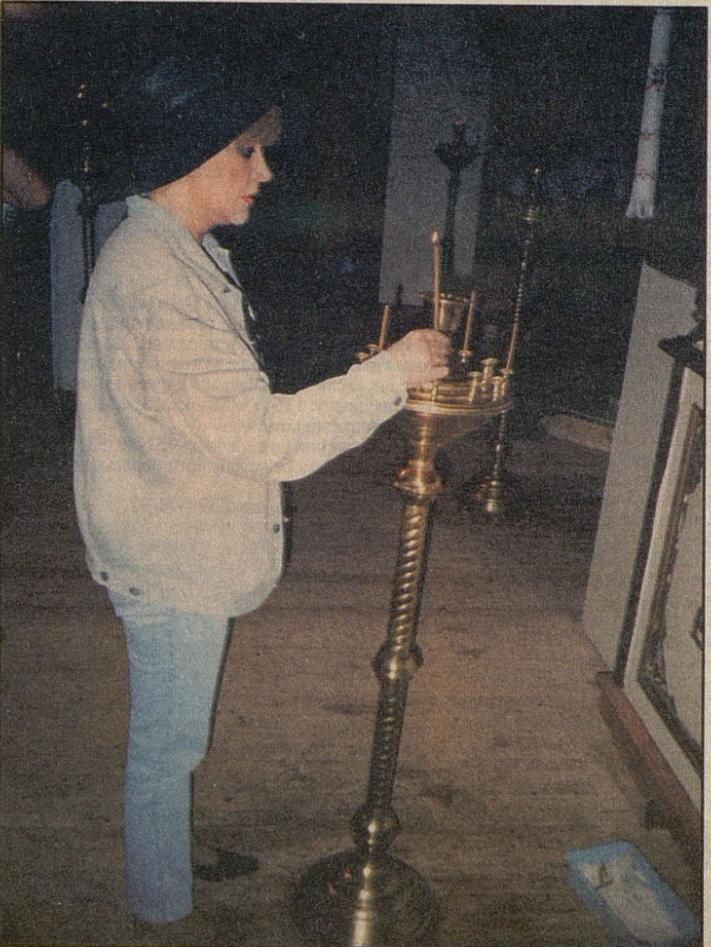

и тогда Пугачева сказала:

МНЕ НАГАДАЛИ, ЧТО ДОЖИВУ

Мало ли что может произойти с человеком. Особенно когда он сам ищет приключений. Несмотря на то, что наша небольшая команда добилась возможности наблюдать за туром Аллы Пугачевой с близкого расстояния, несмотря на то, что все убеждали нас в невозможности интервью, лично мне очень хотелось разговорить звезду, чтобы она сама хотя бы отчасти развеяла пелену загадочности, которая плотным туманом скрывает Пугачеву от посторонних взглядов. К тому же приходилось спешить — уже были куплены обратные билеты в Москву. Сегодня уже неважно, когда и в каком городе это произошло, но невозможное случилось. Пребывающая третий день в депрессивном состоянии певица после очередного предложения побеседовать резко повернулась ко мне:

— Ну все, ты спросился. Я вздрогнул. Тон, которым это было сказано, не оставлял никаких сомнений — сейчас меня будут бить, возможно, ногами. Взгляд Пугачевой лишь подтвердил мои опасения: так хищная рысь смотрит перед смертельным прыжком на беззащитную пушистую белочку. Пожалев о своей

сверхнастойчивости, я уныло побрел за звездой в большую гостиную на первом этаже резиденции. Едва мы уселись друг напротив друга в большие удобные кресла рядом с камином, как снова встретились глазами. Повисла неловкая пауза, которую нарушил знакомый миллионам голос: — Вот ты уже третий месяц за мной бродишь и капаешь на мозги: «Интервью, интервью». Скажи, зачем тебе это нужно? Просто для того, чтобы сделать статью, которую у тебя потом купят? Или ты хочешь докопаться до сути? — Деньги — это, конечно, важно, но я хотел бы раскрыть людям не просто некий образ Пугачевой, но и ее саму как человека, актрису и женщину (а что еще я мог в этот момент ответить! — Авт.)

Более двух месяцев спецкор «Собеседника» провел вместе с Аллой Пугачевой в ее гастрольном туре по России. «Собеседник» завершает публиковать его репортажи.

(Начало см. в №№ 33—35)

— Когда ты берешь интервью, о чем ты думаешь в это время: какой вопрос задать дальше, что думаешь твой собеседник или как ты сам будешь выглядеть на его фоне? — Ну, мне не хочется показаться дураком — конечно же, хотя главное для меня — заставить человека быть самим собой. — Другими словами, ты надеешься, что придешь ко мне со своим диктофоном (эти машинки Алла не переносит. — Авт.), а я так вот вдруг, ни с того ни с сего стану исповедоваться? — Да нет, я прекрасно понимаю, что вы откроетесь ровно на столько, на сколько вам захочется. — А если не захочется? — Тогда не открывайтесь. — Хорошо, что понимаешь. Вернемся к началу: зачем тебе это нужно? Я чувствовал себя полным идиотом: вдруг стало ясно, что интервью берут у меня. К такому повороту я был не готов, поэтому, опустив голову, замолчал. Прервала затянувшуюся паузу Пугачева: — Ну, вот и поговорили, спасибо. Когда сможешь ответить на этот вопрос — приходи.

В науке под названием «логика» есть такое направление — софистика. Это когда собеседника намеренно вводят в заблуждение путем подачи изначально неверных логических посылок. Похоже, Пугачева владеет этим приемом в совершенстве, а значит, может доказать кому угодно что угодно. Все это здорово, но у меня завтра в семь утра самолет, и она скорее всего знает об этом, а с интервью, похоже, ничего не получится. С какой стороны нужно будет «подъезжать» к ней в следующий раз? И будет ли этот самый следующий раз? Такими мыслями я был прибит, когда, сидя в беседке на территории пугачевской резиденции, допивал с расстройством бутылку водки, закусывая найденными в кармане пыльными карамельками. От переживания меня оторвал один из телохранителей звезды, внезапно возникший из темноты: — Пойдем, Алла Борисовна тебя зовет.

Едва я в смятении привстал с лавочки, как тут же почувствовал, что такое влияние крепких напитков на голодного человека, находящегося к тому же в состоянии неслабого стресса. Как потом мне рассказали, держался я неплохо, но сознание очень быстро выключилось, и я перешел на автопилот. Все, что происходило дальше, вспоминается мутными обрывками. Помню, как добрел до своей комнаты, включил дик-

тофон и сунул его во внутренний карман пиджака, как поднимался по лестнице, ведущей в номер Пугачевой, далее — смутно, как уже рано утром меня грузят в самолет. Разбудившая меня стюардесса, улыбаясь, сообщила, что мы приземлились в московском аэропорту Внуково. В голове у меня что-то ритмично постукивало. С трудом доковыляв до ларька, купил бутылку пива, плюхнулся на лавочку и сделал пару глотков. Полегчало. Обшарив рюкзак, я нашел диктофон и нажал на кнопку «play». То, что я услышал, заслуживает, чтобы передать слово в слово. Больше всего меня поразило, что я называл певицу по имени-отчеству, а она обращалась ко мне на «вы», чего ни разу не было за несколько месяцев нашего общения. — Алла Борисовна, извините, что так поздно, но мне сказали, что вы хотели меня видеть. — Садитесь, Алексей. Ну как, вы придумали, что ответить на мой вопрос? Я так и думала. Стоит журналистов поставить в непривычные

Зависть преследует меня с детства, хотя в принципе завидовать-то, особенно раньше, было нечему

условия, как они тут же ломаются. Ну так и что же вы хотели узнать у меня? — Вы так жестко говорите о журналистах, потому что о вас много всякой ерунды пишут!

— Дело не совсем в этом. Сейчас идет резкая смена поколений, омоложение этой профессии, ставшей в последнее время модной. В журналистику приходят много зеленых, совершенно неопытных людей, и мне с ними разговаривать практически не о чем. Я могу выслушать журналиста, согласиться или не согласиться с его мнением, но беда в том, что в силу своего возраста, обстоятельств, системы, в которой он живет, влияния среды его обитания журналист, как правило, не в состоянии понять мой мир, а объяснять — это долго. Если журналист по-настоящему интересуется артистом, он должен быть бок о бок с этим человеком, но тогда в об-

щем потоке коллег он будет белой вороной. А им надо спешить от одного артиста к другому, на презентациях посидеть, потусоваться... — Можно подумать, что тусуются одни только журналисты.

— Сказанное относится не только к журналистам или артистам, но и к зрителям тоже. Они, кстати, настолько привыкли к тому, что им постоянно дают фонограмму, и в последнее время достаточно качественную, да к тому же еще хорошо выученную, что артист, поющий живьем, кажется зрителю менее качественным. Ясно, что надо и аппаратуру выстроить, и зал хороший арендовать; артист зависит от всего этого. Но зато потом, на концерте и после него, такое преодоление восполняется сторичей. Это чистое общение. Есть, правда, еще одна сторона медали: «Я пою живьем, так что простите, что все у меня плохо. Пусть я не умею, играть не могу, я плохо одет, но я петь хотел на это все, ведь я пою живую». Все это скоро пройдет, останется настоящее. Нам, например, удалось добиться такого качества концертов, что люди порой не верят, что я работаю живьем, иногда даже приходится доказывать.

— Алла Борисовна, вы очень отличаетесь от того образа, который создают пародисты. Я достаточно долго наблюдал за вами и вижу, что вы совершенно другой человек.

— Они все просто никак не могут угнаться за мной. Я быстро взрослею. А может, молодую. Мне однажды цыганка сказала, что я доживу до сорока лет. Я ужасно испугалась, когда она мне назвала такую маленькую цифру. А она добавила, что потом я проживу еще столько же, но в обратном порядке. То есть сорок, затем тридцать девять, тридцать восемь... Когда-нибудь совсем ударюсь в детство. Понимаете? Если мне сорок девять, то по этой версии сейчас мне тридцать один. Так что пародисты, да и не только они, не просто отстают, но еще и никак не могут понять, в какую сторону двигаться.

— Странно, в жизни вы производите впечатление человека счастливого, веселого, а на сцене играете в основном несчастных женщин. — Вы плохо следили за тем, что происходит на концертах. У меня нет несчастных женщин на сцене. Есть ситуации в жизни женщины, которые могут сделать ее несчастной и из которых она с достоинством выходит. Я, собственно, показываю, как надо относиться к подобным вещам. Даже

если слеза, то слеза не слабой женщины. Если трагедия, то с улыбкой. Это, кстати, сильнее действует на людей. И наоборот, смешные песни пою с грустными интонациями. Вспомнить хотя бы «Посидим-поокаем» — как люди смеялись над ней потому, что я ни разу не улыбнулась. А вот на «Старинных часах» я улыбаюсь, пусть даже там нет ничего радостного. «Жизнь невозможно повернуть назад» — будет глупо выглядеть, если я начну в такт плакать и рыдать, заламывать руки и рвать на себе волосы. Это один из моих секретов. Их у меня сейчас триста семьдесят девять.

— **Со временем их количество увеличивается?**

— Наоборот, уменьшается.

— **Забываете их!**

— Вы что, намекаете на старческий склероз? Нет, я их просто стираю из памяти потихоньку потому, что для многих это перестает быть секретом. У меня даже ластик есть специальный. Растут люди, ума набираются. Вообще-то многие из моих секретов не секреты вовсе — это принципы, законы профессии. «Люби не себя в искусстве, а искусство в себе» — что, это секрет? Это закон, а законы, в отличие от заповедей, не учат наизусть. Такие вещи сами приходят. Или не приходят.

— **А как вы относитесь к окружающей вас зависти?**

— Зависть преследует меня с детства, хотя в принципе завидовать-то, особенно раньше, было нечему. Уверена, что для людей это некий кураж, стимулирующая сила, заставляющая их двигаться вперед. Если эта сила в конечном итоге направлена на положительные действия, то я только рада этому.

— **Чем обусловлено, что в жизни вы выглядите гораздо моложе, нежели на сцене?**

этому я ценю не столько умение дружить, сколько порядочность и такую вещь, как коллегиальность.

— **У вас в разговоре проскакивает иногда интересное словосочетание «душный человек». Что это такое?**

— Душный человек — это такой, который много говорит и не дает собеседнику закончить мысль, перебивает. При этом он стоит всегда близко, дышит в лицо, заглядывает в глаза и вдобавок крутит на тебе пуговицу. И все это с по-добострастием, с лестью непомерной, выходящей за всякие рамки. Может, кому-то это и нравится, но для меня он — душный. Невоспитанный человек без чувства меры.

— **В этом туре вам довелось выступать и в спорткомплексах, и в концертных залах, и на огромных стадионах. Где вы работаете с большим удовольствием?**

— Я вообще никогда не относилась к сцене как к работе. Просто собираются люди и получают удовольствие — одни в зале, другие на сцене. К каждой площадке я подгоняю программу, что-то меняю по ходу; на стадионах — рок-н-ролл даю, в концертных залах — театр у меня. Поскольку я певица разноплановая, мне, даже как женщине, доставляет удовольствие быть то одной, то другой, то третьей — становиться такой, какой хочется быть в данный момент.

— **Значит, в жизни, в отличие от сцене,**

ДО сорока лет

ны, вам приходится притворяться! Странная ситуация, мне казалось, что все должно быть наоборот.

— Это только внешне кажется, что артист весь такой блестящий. Тем более в нашей стране, где далеко не блестящее положение. Только мы умеем делать вид, показывать, что все хорошо. Хорошая мина при плохой игре, как говорится, так говорят или наоборот, я вечно путаю. Можете представить себе ситуацию, когда артисты будут стучать микрофонами на Горбатов мосту? А сколько нас, как и других, обманывали, не платя за выступления. Столько жульничества развелось во всех сферах, это просто ужасно. Но это самое последнее дело, когда артист начинает плакаться на жизнь. В этот плач все равно никто не поверит, да и не должен верить.

Я жажду гастролей, которые буду организовывать сама, по нормальным ценам

потому что артист не имеет права плакать. Это недостойно при той маске, которую мы обязаны носить. Собственно говоря, нам и за это в конечном счете тоже деньги платят.

— **Многие, кстати, не в состоянии заплатить за то, чтобы увидеть ваш концерт.**

— Зная, какое положение сейчас в стране, я ни за что бы не назначила таких цен на билеты. Мне обидно видеть людей, стоящих на улице вокруг спорткомплексов, которые не могут попасть в зал только потому, что не имеют таких денег. Я бы лично никогда этого не допустила, но, поскольку на данном этапе я человек зависимый, могу только скрежетать зубами и жалеть как этих людей, так и саму себя. Я жажду гастролей, которые буду организовывать сама, по нормальным ценам. Вплоть до благотворительных или, как их раньше называли, шефских концертов, ко-

торые сейчас, по контракту, я не могу себе позволить.

— **Зато вы позволяете себе одеваться, мягко говоря, слишком уж скромно для актрисы такого масштаба. Неужели у вас нет каких-нибудь пышных, красивых супернарядов, в которых можно так здорово показаться на сцене!**

— Для меня то, в чем я выхожу на сцену, — это прежде всего костюм, в котором я чувствую себя комфортно, который не отвлекает меня и зрителей от того, что я делаю. А показывать себя, как на подиуме... Это время еще не наступило. Мне, конечно, приятно видеть певиц, которые красиво одеты, но нельзя забывать, что они должны ко всему прочему еще и петь, а не просто показывать наряды. Для артиста очень важно быть правильно одетым, это должно быть гармонично его творчеству.

— **Порой приходится сталкиваться с таким мнением о вас: вот ведь, все у нее хорошо, счастливая...**

— Вот горе-то.

— ...худая, помолодевшая, денег полно...

— Что, так и говорят?

— ...муж красивый...

— Это правда.

— ...да еще и поет. На фиг ей это надо!

— О, да ты уже засыпаешь совсем. Все, давай заканчивать на сегодня. Действительно, на фиг мне это надо! Только диктофон не забудь выключить, а то батарейки сядут.

После этой фразы Пугачевой на пленке зазвучало короткое шуршание и громкий щелчок. Видимо, в этот момент я прямо на глазах певицы автоматически вытаскил спрятанный диктофон из кармана и выполнил ее просьбу.

Лавочка в сквере около аэровокзала показалась вдруг очень жесткой. Пиво сделало свое дело: мозг медленно, но все же начал работать. Как она догадалась? Как ей удается всегда все предугадывать? Что ждет меня после того, как я покончу с делами в Москве и вернусь в ставший уже знакомым до последней царапинки самолет с яркой надписью «Алла» на борту? Примут ли там обманщика? Последний вопрос был самым актуальным: в том, что через пару недель опять поеду к Пугачевой, я ни секунды не сомневался.

Так и вышло, но это уже совсем другая история.

Алексей СУМИН,
фото автора.